

Я. В. Васильков

Частичный пересказ «Бхагавадгиты» в «математической» рукописи Герасима Лебедева: предварительное сообщение*

В «Архиве востоковедов» Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН хранятся две рукописи, представляющие собой единое сочинение первого русского индолога Герасима Степановича Лебедева (1749–1817), посвященное традиционным индийским правилам счета в их применении к денежной системе, а также «основаниям» индийского метода счисления, каковые автор обнаруживает в индийской религиозной философии. Обе рукописи выполнены, по-видимому, профессиональным переписчиком и облечены в дорогостоящие, парадные переплеты. На закате жизни, в 1816 году, Г. С. Лебедев, осознав несбыточность своих планов издать на основе собранных в Индии материалов ряд новых работ¹ и создать в России индологическую школу, предпринимает попытку заинтересовать индийской культурой просвещенного императора Александра I, для чего и подносит ему рукопись своего последнего труда. Общим названием сочинения является, по-видимому, название первого тома (АВ СПбФ ИВ РАН, ф.90, №2 – 1226/2)²: «Систематические восточных индийцев начальные, умозрительные и существенные основания Арифметики, называемой Нам мата, сокращенно Намта или Гунона на Шомскрито, Бенгальском и российском языках...». Второй том озаглавлен «Арифметические восточных Индийцев Таблицы, заключающие в себе сообразное основание философской и богословской Брамгенских систем...» (АВ СПбФ ИВ РАН, ф.90, №1-1226/1).

В целом в этой работе Г. С. Лебедев ставил перед собой две задачи. Первая из них – практическая, состоящая в том, чтобы дать торговцам и всем другим россиянам, намеревающимся установить связи с Индией, сведения об индийской системе счета и о единицах денежного обращения. Этому в основном посвя-

* Работа выполнена в рамках проекта № 05-03-03322а, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

¹ Единственным изданным в России при его жизни трудом Г. С. Лебедева осталось «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев» (СПб, 1805).

² См. также: РГАЛИ, ф.195, оп. 1, ед. хран. 6081.

щены «Арифметические таблицы...». Но, будучи убежден, что «арифметика брамгенов, как и азбука их, заключают в себе таинственные смыслы Индийского Богопознания; и что некоторые арифметические их знаки берутся иногда за признак Божества, или Божеского свойства» (Таблицы, л. 2), что «оная Брамгенская Арифметика имеет основания свои на философской и Богословской системах, и служит Брамгенам к умозрительному их созерцанию Божества и ключом к таинствам природы» (Систематические основания, л. 2 об.), Г. С. Лебедев считал необходимым предварить «Арифметические таблицы» изложением того, что, как он полагал, скрывается за индийской «арифметикой», – то есть, религиозно-философского учения индуизма.

Подход Г. С. Лебедева предопределен особенностями его собственного мировоззрения. Индуистскую символику чисел он воспринимал через призму нумерологии европейского эзотерического гностицизма XVIII века, хорошо ему знакомого в силу его вероятной принадлежности к кругу русских масонов 1770-1780-х гг. и прямой связи с князем А. Б. Куракиным и С. И. Плещеевым – «вольными каменщиками» из ближайшего окружения цесаревича Павла Петровича (который, по некоторым сведениям, и послал Лебедева в Индию)³.

Начав «Систематические основания» с очерка онтологии индуизма, продолжив рассказом о сотворении мира, Г. С. Лебедев подходит к моменту антропогонии – сотворения человека.

³ «Гностическая» ориентация Г. С. Лебедева сказывается и в его общем взгляде на религию индийцев. В отличие от подавляющего большинства своих современников-европейцев, Г. С. Лебедев видел в индуизме не многобожие и язычество, а «сопровожаемое глубоким учением» «сокровеннейшее Брамгенов о Боге познание», сохранившее традиции чистого, первоначального христианства. Показательно его стремление обнаружить в известной триаде (*тримурти*) верховных индуистских богов (Брахма, Вишну, Шива) христианскую Троицу; при этом имя «второго троичности лица» – Вишну – он заменяет именем его земного воплощения Кришны, к тому же в форме, намекающей на тождество этого персонажа с Христом (Криштью, Криштньо или Криштна). О «гностических» пристрастиях Г. С. Лебедева красноречивее всего свидетельствуют его попытки найти в «богословской системе» индуизма соответствие Софии, Премудрости Божией – концепции, красной нитью проходящей через писания европейских гностиков от античности до XX века (впрочем, остановившись на образе богини Кали, или Дурги, Лебедев сделал, пожалуй, самый неудачный выбор).

Бог-творец Брормго (Брахма) повелевает «Биштне, значит: второму своему произволению Криштне... образовать одного Человека, дабы он мог знать своего Бога и бессмертие души». Далее следует проповедь Кришны, обращенная к этому первозданному «Человеку», в которой внимательный читатель, знакомый с текстами раннего индуизма, вскоре обнаруживает специфические образы, а также целые блоки образов и идей, известных по знаменитой религиозно-философской поэме «Бхагавадгита» из грандиозного санскритского эпоса «Махабхарата». Отличие состоит лишь в том, что в «Бхагавадгите» (далее также: БхГ или «Гита») Кришна обращает свою проповедь не к безымянному Первочеловеку, а к одному из главных героев «Махабхараты», братьев Пандавов – Арджуне.

Ниже мы приводим для наглядности некоторые параллельные места из лебедевских «Систематических оснований» и из «Бхагавадгиты» (буквальный перевод с санскрита сделан автором настоящего сообщения):

«Систематические основания...»	«Бхагавадгита»
<u>Криштьо</u> : О человек! теперь открою тебе начальное высшее всех других знание, уразумением которого достигнешь до высочайшего совершенства, и получишь бессмертие.	<u>Кришна</u>): Высшее я вновь возведу, величайшее знание из знаний, которое познав все святые подвижники к высшему совершенству отсюда ушли (XIV.1)...
Великий Брормго есть моя матка: в него полагаю плод мой и из него производится вся натура.	Великое Брахмо ⁴ для Меня – лоно, в него я помещаю зародыш; от этого и исходит происхождение всех существ (XIV.3).
Великий Брормго есть матка всех разных образов (форм), зачинаемых в каждой натуральной матке, а я есмь отец, посевающий семя....	Во всех лонах, о Каунтея, какие формы рождаются, тех лоно – великое Брахмо, я же – отец, дающий семя (XIV. 4).
<u>Кришньо</u> : Теперь открою тебе, человек (<i>Адмо</i>), сокровеннейшее	<u>Арджуна</u>): Из милости ко мне высочайшее, тайное, до-Высшего-

⁴ *Великое Брахмо*. – Используем здесь прием известного переводчика «Махабхараты» на русский акад. Б. Л. Смирнова, который стремился таким образом подчеркнуть средний род термина *brahman*.

таинство, сопровождаемое глубоким учением, о познании Высочайшего Духа, и о пользе, происходящей от познания первого начала, которое узнавши освободишься ты от ига неразумения.

Зри чудеса, никогда тобою доселе невиданные.

Зри в сем теле (*в числах*) моем целый мир, одушевленный и неодушевленный, и все существа, если имеешь ум для зрения.

Но как ты не способен узреть то сими естественными глазами, то я дам тебе око небесное, коим узришь божественную связь мою!

Знай, что неизследимое существо Брормги уподобляется небесному дереву (*Акашер титол...*), на коем он представит (предстает ? – Я.В.) в виде Человека и изливает всякое плодородие. Древа сего корень поднят вверх, а ветви вниз обращены, и которого листовые суть священные книги, называемые Беда, т.е. Беды. Знающий сие познал Беды.

Ветви его, произрастающиеся из трех тройственных гунов значит пресущественного мудрствования, или качества которых меньшие отростки суть предметы чувственных органов, распространяются и вверх, и вниз. Корни, простирающиеся вниз, в области человеческие, удерживаются действием.

Духа-относящимся именуемое какое слово тобой изречено тем устранено это мое заблуждение (XI.1).

(Кришна):

...Многие прежде-не-виденные чудеса узри, о Бхарата! (XI.6cd)
Здесь в-одном-месте-пребывающим весь мир со всем подвижным и недвижимым узри ныне в теле моем, о Гудакеша!.. (XI.7)

Но ты не можешь увидеть Меня этим вот своим зрением. Дарую тебе “чудесное око”. Виждь мою владичную (= божественную) йогу⁵! (XI.8)

(Кришна): О (растущей) вверх корнями, вниз ветвями ашваттхе (смоковнице) нетленной рассказывают, листья которой – ведийские размеры; кто ее знает – тот знаток Веды (XV.1).

Вниз и вверх простерты ее ветви, из гун выросшие, с листочками – объектами чувств; и вниз вытянуты корни, связывающие деяниями в мире людей (XV.2).

⁵ Передача Г. С. Лебедевым общиндийского термина *yoга* как «связь» опирается на одно из реальных значений данного слова.

Часть самого меня есть всеобщий дух всех существ в сем животном мире. Весь мир распространен в невидимом моем образе. Она совокупляет пять органков и ум, который есть шестой (орган),	Частица Меня самого, (пребывающая) в мире живых, став душой (<i>джива</i>), вечная притягивает к себе относящиеся к Пракрити (миру природы) органы чувств, из коих шестой – ум (<i>манас</i>) (XV.7)
дабы получить тело и дабы паки его оставить. <i>Ишиор</i> (Бог) <i>Брормго</i> ..., принявши их под свое управление, сопровождает их из собственного жилища, как дыхание ветра сопровождает запах цветка.	Когда тело обретает и когда исходит из него Владыка (=Господь), то, забрав их, с собой уносит, как Ветер – запахи с места их распространения (или: носителя,местилища). (XV.8).
Он управляет органами слуха, зрения, осязания, вкуса и обоняния, купно с умом, и устремляется к их предметам.	Слухом, зрением, осязанием, вкусом и обонянием, а также умом (<i>манасом</i>) повелевая, он посвящает себя объектам чувств (XV.9).
Глупый сопровождаем будучи мраком в бытии, не видит сего, но имущий око мудрости усмотрит сие.	Исходит ли он, пребывает ли в (теле), или, сочетаясь с гунами, наслаждается, – ослепленные его не видят, зато видят те, у кого “око знания” (XV.10).
Употребляющий прилежно ум свой к размышлению может ощутить сие всажденное в груди его, но имеющий ум необразованный и слабое рассуждение, трудясь того не найдет.	А подвижничающие йогины тоже видят его в себе пребывающим. Те же, чей дух не совершенен, даже прилагая усилия, не видят его, неразумные (XV.11).
Когда человек срубит сие небесное древо <i>Акашер Питол</i>, которого корень толь твердо укреплен, сильною секирою безкорыстия, тогда насытится он живою водою <i>Амрито</i>..., и будет безсмертен <i>амирту</i>...	Эту ашватху (пипал, вид смоковницы) с сильно разросшимися корнями крепким мечом непривязанности срубив, должно затем искать то место, куда придя, более не возвращаются (XV.3cd – XV.4ab),
Я открываю тебе того первого человека, от которого производится начальное шествие ряда всех существ.	(сказав): «Я прибегаю к тому Изначальному Пуруше (букв.: «[Перво]человеку»), от которого произошло это извечное развертывание» (XV.4cd).

Знай, что свет происходящий от солнца и весь мир освещающий, тот же свет находящийся в Луне и в огне, суть его. Я проникаю все существа и храню их по его воле моими лучами.	Который свет, вошедший в солнце, озаряет весь мир, который в месяце и который в огне, – то Мой свет, знай! (XV.12) И, войдя в Землю, (все) существа Я поддерживаю своею мощью и питаю все растения, став Сомой, напитанным соком (XV.13).

По результатам предварительного анализа можно сказать следующее: текст беседы «Криштнь» с «Человеком» у Г. С. Лебедева вне всякого сомнения, восходит к санскритской «Бхагавадгите» из «Махабхараты», хотя и не непосредственно. В тексте Г. С. Лебедева встречаются индийские имена и термины, транслитерированные кириллицей и/или записанные знаками бенгальского алфавита; и это совершенно определенно не санскритские слова, хотя бы и видоизмененные специфическим бенгальским произношением, но чисто новоиндийские, бенгальские формы (*акашер типтол* и т.п.). Можно было бы предположить, что Г. С. Лебедев переводил на русский с какого-то письменного бенгальского перевода «Гиты», но это кажется маловероятным. Со времен великого комментатора «Гиты», философа-ведантиса Шанкары (788–812 гг. н. э.) последовательность стихов в этом тексте строго фиксирована; между тем, в изложении Г. С. Лебедева, как видно из приведенной таблицы, группы стихов, заимствованные из разных глав, от XI до XV, чередуются весьма произвольно. Выявленная к настоящему времени последовательность «цитируемых» Лебедевым и достоверно отождествленных стихов из БхГ, выглядит так: XIV.1, 3, 4; ...XIII.11-12, 13, 14; ...XI.1, 6cd, 7,8; XV. 1, 2, 7, 8, 9, 10, 11, 3, 4, 12, 13. Кроме того, иногда в изложение Лебедевым содержания того или иного стиха явно вторгаются смыслы, почерпнутые из традиционных комментариев к этому стиху⁶. Поэтому резонно

⁶ Например, в переложении стиха XV.1 у Г. С. Лебедева «небесная смоковница» (*акашер типтол*) представлена как символ «неизследимой сущности Бромго (т. е. Брахмо, Брахмана в среднем роде)». Шанкара начинает свой комментарий к этому стиху со слов о том, что Брахман является корнем описываемого «Мирового древа», а другой авторитетнейший комментатор Рамануджа отводит эту роль персонификации того же понятия – богу Брахме (источником для обоих комментаторов является, по-видимому, более древний вариант данного стиха в «Кат-

предположить, что Г. С. Лебедев основывает свой текст на сделанных во время его пребывания в Калькутте записях устного изложения содержания БхГ неким бенгалоязычным информантом, который при этом излагал текст не в обычной последовательности, а так, как помнил: “блоками” или “пучками” наиболее образных, четко запечатлевшихся в его сознании стихов.

В «Систематических основаниях...» Г. С. Лебедев сам свидетельствует о своем знакомстве с изданным в Лондоне в 1785 г. переводом «Гиты» Чарлза Уилкинса и с русским переводом (с английского) А. А. Петрова, увидевшим свет всего тремя годами позже⁷. Тем не менее, опираться на эти тексты при создании своего частичного переложения «Гиты», вошедшего составной частью в «Систематические основания...», он не мог по ряду причин. Прежде всего потому, что Г. С. Лебедев видел в Ч. Уилкинсе и санскритологах его круга адептов конкурирующей школы, ставших жертвой заблуждения. Сам Лебедев принадлежал к той части первых европейских индологов, которая восприняла основы санскрита из уст бенгальских брахманов с их специфически бенгальским произношением санскритских слов, в отличие от ученых круга У. Джонса и Ч. Уилкинса, воспринявших язык от брахманов – выходцев из Кашмира, санскритское произношение которых было намного ближе к древним фонетическим нормам. К переводам английских ученых круга Ч. Уилкинса Г. С. Лебедев относился резко негативно, утверждая, что «настоящие Индейских слов произношения так в из-

ха-упанишаде» VI.1). При этом в самом комментируемом стихе БхГ, как и во всей XV главе, упоминания о Брахмане в связи с космической смоковницей отсутствуют.

⁷ The Bhāgvat-Gēētā, or Dialogues of Krēēshnā and Ārjōn; in Eighteen Lectures; with Notes. Tr. ... by Charles Wilkins, London: C. Nourse, M.DCC.LXXXV; Багват-Гета, или Беседы Кришны с Арджуном, с примечаниями, переведенные с подлинника, писанного на древнем Браминском языке, называемом Санскритта, на Английской, а с сего на Российской язык. Москва: Университетская типография Н.Новикова, 1788. Об авторе русского перевода Александре Андреевиче Петрове (1760–1793) – яркой личности, безвременно умершем друге юности Н. М. Карамзина, который считал его своим наставником в области литературы, см. в работе: В. Н. Топоров. Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 23, 1989, S. 33-80.

даниях их обезображены испорченными народными Индейцев и Чужестранными наречиями, что не только без знания восточных языков Европейцам, но и знающим оные по средственно, никак многих слов доуразуметь не можно» (Систематические основания, л.б). В примечаниях к «Систематическим основаниям» и другим своим работам Г. С. Лебедев не раз выступает с критикой мнений ученых этой школы (часто несправедливой, поскольку сам он имел о санскрите, в отличие от бенгальского языка, довольно смутное представление). Уже поэтому он не стал бы основывать свой пересказ «Гиты» на переводе Ч. Уилкинса. Не лишним будет, однако, проверить, не мог ли Г. С. Лебедев при работе над текстом «Систематических оснований» уже в С.-Петербурге, в 1816-1816 гг. как-либо согласовывать свое понимание тех или иных санскритских терминов с трактовкой их в переводах Ч. Уилкинса и А. А. Петрова. Установить это будет одной из наших задач на следующем этапе исследования «математических» рукописей Г. С. Лебедева.